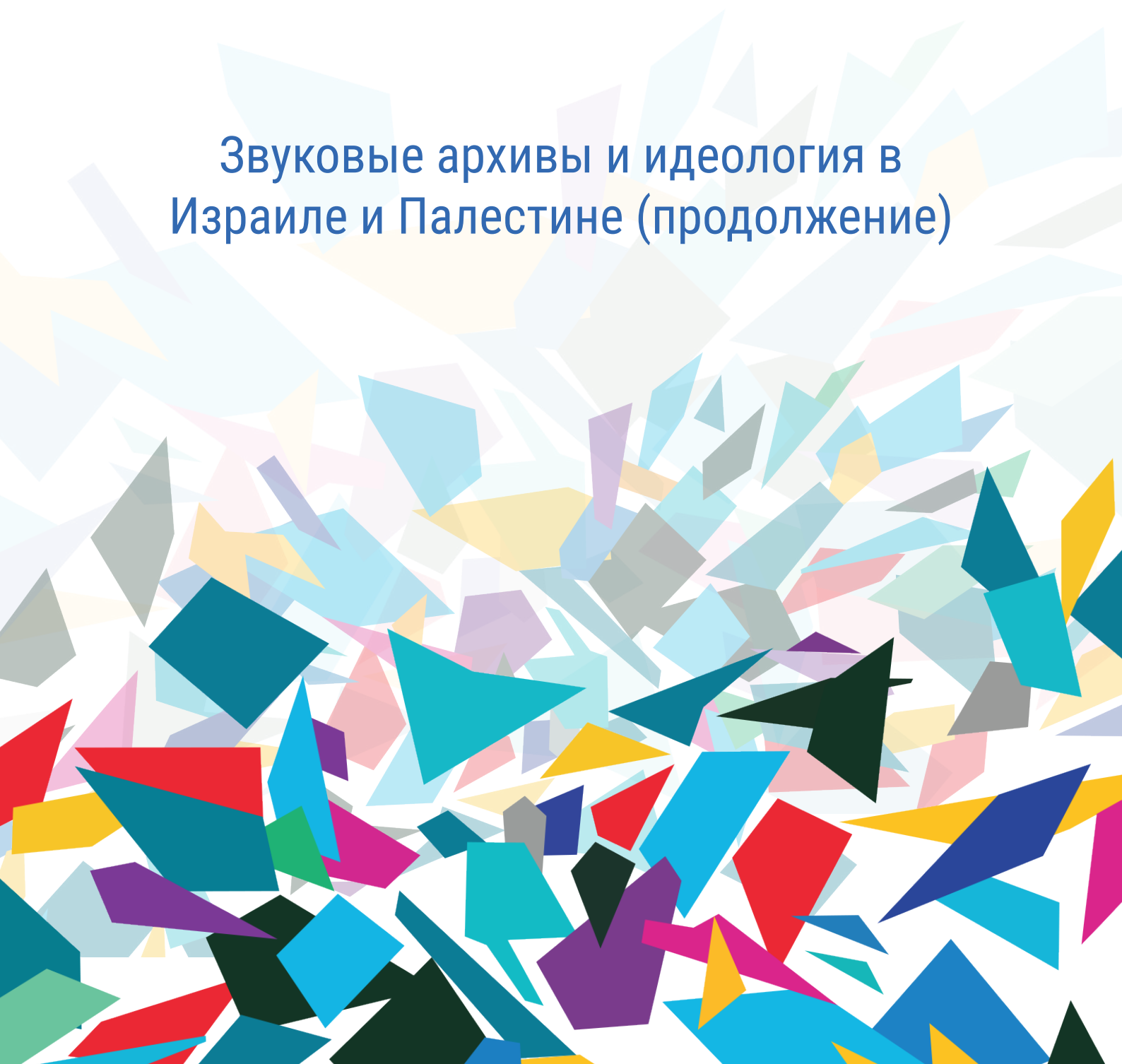

ИСТОРИЯ ВСЕМИРНОЙ МУЗЫКИ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Звуковые архивы и идеология в
Израиле и Палестине (продолжение)

В своих автобиографических трудах Авраам Цви Идельсон называл себя учеником Ахад Хаама. Под этим именем вошел в историю Израиля Ашер Гинзберг – украинско-еврейский философ и основоположник сионистской идеологии, известной как культурный сионизм. В переводе на язык культурного сионизма идея Идельсона о еврейской песне, изложенная в его манифесте 1910 года, стала метафорой его видения еврейского народа. Объединить их песни и избавить от «ржавчины галута – изгнания» означало объединить еврейский народ и избавить его от его диаспорического состояния. И чтобы восстановить и обновить Песнь Израиля, «эхо души нашего народа», по словам Идельсона необходимо было создать духовные основы для обновления еврейской жизни в Эрец-Исраэль.

Культурный сионизм, Еврейский университет и архив восточной музыки Роберта Лахмана

Ахад Хаам был также наставником Иуды Магнеса, рожденного в Калифорнии раввина-реформатора и общественного лидера, который в ноябре 1925 года был назначен первым ректором Еврейского университета в Иерусалиме. Магнес увлекся сионизмом на рубеже веков, будучи аспирантом в Берлине и Гейдельберге. Пройдя выдающуюся карьеру в Нью-Йорке в качестве раввина Храма Эммануэля, главной синагоги реформистского иудаизма, и в качестве председателя-основателя еврейской общины Кехилла, Магнес потерял свое положение в еврейской общине из-за своей пацифистской позиции во время Первой мировой войны. В конце 1922 года Магнес иммигрировал в Палестину со своей семьей и посвятил себя делу Еврейского университета.

По мере роста еврейской иммиграции в течение 1920-х годов арабские националисты предпринимали акты насильственного сопротивления. Для Магнеса и его коллег отношения с арабским населением в целом представляли собой сложнейшее испытание их еврейских этических ценностей.

В одном из писем того времени Магнес заявил: «Для меня это не столько арабский вопрос, сколько вопрос еврейский. Какова природа и сущность еврейского национализма? Это как национализм всех наций? Ответ дает наше отношение к арабам, так что арабский вопрос имеет не только огромное практическое значение; это также пробный камень для испытания нашего иудаизма».

Забота Магнеса об арабском вопросе определила его приоритеты для Еврейского университета, как до, так и в течение десяти лет его канцлерства до 1935 года. Когда университет был открыт, в него вошли три института: Институт еврейских исследований и востоковедения, а также химии и микробиологии. Десятилетие спустя Магнес пригласил еврейского сравнительного музыковеда и специалиста по арабской музыке Роберта Лахмана основать Архив восточной музыки в неоперившемся университете.

Лахман, который был уволен нацистскими властями с поста музыкального библиотекаря в Прусской государственной библиотеке в сентябре 1933 года, вступил в переписку с Магнесом в начале 1934 года. В апреле 1935 года Лахман прибыл в Палестину со своим техником, Вальтером Шуром, современным записывающим оборудованием, его личной библиотекой книг и коммерческих записей, копиями 500 его собственных цилиндрических записей и копиями Идельсона для Берлинского архива фонограмм 1913 года.

Как сравнительный музыковед, Лахман был знаком с широким спектром азиатских и европейских традиций, древних и современных: его публикации в качестве библиотекаря музыки включают статьи о рукописях Гайдна и Шуберта в Государственной библиотеке, его классическую монографию *Musik des Orients*, опубликованную в 1929 году, сравнивающую музыкальные системы разных азиатских традиций. В том же году он провел существенное исследование еврейской музыки.

Однако Лахман был прежде всего знатоком арабской музыки. Его докторская диссертация для Берлинского университета была посвящена музыке тунисских военнопленных в Вунсдорфе (Бранденбург), где он служил переводчиком во время Первой мировой войны. В 1920-х годах он проводил обширные полевые работы по всей Северной Африке, переводил и редактировал трактат о музыке арабского ученого девятого века Аль-Кинди и в 1932 году был избран председателем Комитета по музыкальным записям на Конгрессе по арабской музыке в Каире. В период с июня 1935 по май 1938 года Лахман записал 959 металлических дисков в Палестине, документировал священные и светские традиции «восточных» общин в Иерусалиме и вокруг него. Это были бедуины, арабы, живущие в деревне и городе; Христиане-армяне, копты, греческие православные и якобиты (сирийские православные); Евреи йеменского, курдского, североафриканского и вавилонского происхождения; Бэней Исраэль из Индии и самаритяне. В отличие от Идельсона, который записывал только исполнителей мужского пола, Лахман записывал песни йеменских

евреев, бедуинов и арабских деревенских женщин.

Иерусалим для Лахмана был только началом. В своих многочисленных отчетах о деятельности архива он постоянно подчеркивает необходимость распространения своей работы за пределы Иерусалима на другие части Палестины и соседние регионы. В своем отчете за апрель 1937 года он предлагает записать «в ближайшее время... Мандейские религиозные песни (Месопотамия) и «Бедуинские формы песен в сирийском хаурани и в Нейде». Кроме того, он предсказывает, что «этот институт – благодаря своей идеальному расположению и бесконечному объему работы мог бы стать уникальным центром изучения музыки Ближнего Востока». Прежде всего, Лахман неоднократно настаивал на том, что «весь этот материал должен быть собран как можно быстрее, чтобы зафиксировать эту бесценную музыкальную традицию, прежде чем она будет преобразована или полностью разрушена растущим европейским влиянием». Лахман так ясно представлял эту опасность что, обрисовывая в общих чертах всю свою методологию, он предупреждал, что «следует... иметь в виду, что, учитывая быстро прогрессирующий упадок местной музыки, надлежащий сбор записей стоит в приоритете над литературной оценкой собранных материалов».

В профессиональной переписке и дневниках Лахмана за годы его работы в Палестине описывается неослабевающий поток препятствий, связанных с неадекватными и небезопасными финансами и отсутствием поддержки института. Утверждая, что его доход был недостаточным для поддержки его работы в течение всего года, он установил годовой график расходов только на зимние месяцы в Иерусалиме и на лето в Европе (Берлин и Лондон), где он получал пенсию до 1937 года. Его назначение на должность научного сотрудника в Школе востоковедения было продлено еще на два года; однако в мае 1938 года, когда Магнес больше не был ее канцлером, университет отклонил его предложение закрепить Лахмана на постоянной должности и вместо этого согласился поддерживать его работу еще только три года «без дальнейших обязательств». Тем летом во время визита в Лондон Лахман безуспешно пытался заручиться поддержкой службы Би-би-си: на горизонте возникла Вторая мировая война, а давление на еврейскую иммиграцию из нацистской Европы подпитало еврейские националистические устремления. Арабы устроили всеобщую забастовку и восстание, времена вряд ли были благоприятными для убеждения потенциальных спонсоров, будь то в Палестине или за границей, в ценности и срочности его уникального и эклектичного проекта. По возвращении в Иерусалим он заболел острым сосудистым заболеванием, от которого он так и не выздоровел: он умер в мае 1939 года в возрасте 46 лет.

Согласно краткому описанию, которое Лахман подготовил для Еврейского университета 25 апреля 1937 года, на сегодняшний день его 769 записей включали:

Еврейская кантилляция и песня 197 записи

Самарянская песнь и песня 233 записи

Остальные 190 предметов, перечисленных в его дневниках записи, в основном включают христианские, особенно якобитские (сирийские православные), персидские классические и бедуинские арабские традиции.

К Еврейскому национальному звуковому архиву в Израиле

После смерти Лахмана в 1939 году его архив был перенесен из арендованного им жилья в центре Иерусалима, где размещалась его лаборатория звукозаписи и библиотека, в университетское помещение на горе Скопус. С разделением Палестины в 1948 году Восточный Иерусалим перешел в Иорданию, и коллекция была вновь перенесена по частям под военным конвоем, и в 1964 году она была включена в недавно созданный Национальный звуковой архив Национальной и Университетской библиотеки в новом кампусе Еврейского университета в Западном Иерусалиме. В отсутствие соответствующего воспроизводящего оборудования хрупкие цилиндры и ржавые диски томились в шкафу в офисах Еврейского музыкального исследовательского центра, пока в начале 1990-х годов вся коллекция не была передана на цифровые носители в рамках проекта, финансируемого австрийскими друзьями Еврейского университета, с техническим оборудованием и опытом, предоставленным Венским архивом фонограмм.

Тем не менее, несмотря на то, что его записи были безмолвны, видение Лахмана продолжало вдохновлять работу его учеников, в частности Эдит Герзон-Киви и, через нее, последующих поколений израильских этномузыковедов.

Пианист и исследователь итальянской музыки эпохи Возрождения, имеющий докторскую степень по музыковедению в Университете Фрайбурга, Герзон-Киви прибыла в Иерусалим в 1935 году, в том же году, что и Лахман. В отчете, написанном в начале 1937 года, Лахман перечисляет ее как одну из «трех учениц»,

которые присоединились к архиву, и единственную, которая исследует тему западной музыки. Даже в течение своей жизни представление Герзон-Киви о проекте ее наставника тонко, но принципиально отличалось от его собственного. Лахман в принципе настаивал на сборе традиционной музыки всех «восточных» общин, не отдавая приоритет ни одной из них по признаку этнической или религиозной принадлежности. А для Герзон-Киви «восточная музыка» означала, прежде всего, «восточную» Еврейскую музыку». В своем отчете «Архив Лахмана», журнале Всемирного центра еврейской музыки в Палестине, за год до его смерти она придает нееврейским традициям вторичный статус, существенный только «для сравнения» и как часть более широкой концепции еврейской музыки.

«Основная цель института заключается в сборе и научном изучении традиционных мелодий Ближнего Востока, – пишет Герзон-Киви. – Прежде всего, это восточная еврейская музыка, которая собрана для института в ее наиболее аутентичных и законченных формах... Такое Научное знание основано главным образом на богатстве сравнения, и, таким образом, необходимо расширить само понятие еврейских музыкальных традиций. По крайней мере, для сравнения необходимо включить музыку соседних народов, например, христианских якобитов, коптов, абиссинцев или исламских народов Северной Африки и Малой Азии, то есть арабского и турецкого народов».

В конце 1940-х годов магнитофон, подаренный «американскими друзьями» для Музыкальной академии им. Рубина в Иерусалиме, побудил Герзон-Киви возобновить деятельность архива, сначала под эгидой Министерства культуры и образования Израиля, а с 1953 г. в рамках Школы востоковедения при Еврейском университете. Однако к этому времени сфера видения Лахмана была ограничена идеологическими императивами и новыми политическими и материальными реалиями израильской государственности. Поскольку соседние арабские и другие исламские страны закрыли свои границы с Израилем, отказываясь признать новое еврейское государство, устные музыкальные традиции новых еврейских иммигрантов из тех же стран стали главным центром записи и исследования Герзон-Киви. Размышляя о своих ранних работах спустя три десятилетия, она пишет: «В 1950 году Израиль был на пике массовой иммиграции беженцев. Главной целью было провести расследование этого невероятного собрания еврейских общин со всех концов света... Ранние проекты по сбору и анализу архива, расположенного с 1953 года в Еврейском университете, имели еще большее значение, поскольку разнообразие восточных традиций «изгнанников», вероятно, исчезнет, когда изгнанники ассимилируются как израильские граждане. Работа Архива была и остается сегодня скромной попыткой музыкального документирования одного из величайших исторических событий в истории евреев».

Повторяя Идельсона в его риторике и смысле исторического значения, отчет Герзон-Киви о ее видении и цели представляется совершенно иным. В позднем Османском Иерусалиме Идельсон исследовал восточные музыкальные традиции, как стабильные и продолжающиеся. Он обеспечивал таким образом подлинную связь между еврейским библейским прошлым и идеализированным еврейским будущим в Эрец Исраэль: их предназначение состояло в том, чтобы обеспечить основу для культурного и духовного обновления.

Для Герзон-Киви интерес к «восточным традициям», который она извлекла из «Собрания изгнанников», уже был историческим. По ее мнению, сама неуверенность в своем будущем на этом критическом историческом этапе усилила важность ее работы.

Приоритетность Герзон-Киви над еврейской музыкой отражена в ее рассказе о работе других ученых в Израиле в 1950-х годах. Эта тенденция была подкреплена созданием в 1964 году Национального звукового архива, или Фонотеки, и Еврейского музыкального исследовательского центра в Национальной и Университетской библиотеке в Западном Иерусалиме. Сосредоточив внимание на традициях устной музыки, как восточной, так и западной, Национальный звуковой архив задумывался в первую очередь как «лаборатория для исследования еврейской музыки». Тем не менее, сравнительный принцип, установленный Идельсоном, в полной мере использовался Лахманом и подтвержден Герзон-Киви, которая настаивает на том, что изучение еврейской музыки должно также включать в себя музыку территориальных нееврейских общин. Представляя «Центральную фонотеку записанной музыки, в частности еврейскую», Эдит Герзон-Киви и Амнон Шилоах объясняют: «Ни один другой архив не обладает столь хорошим оснащением, как Фонотека, с точки зрения количества и качества записанных образцов музыки еврейского происхождения; и при этом он не игнорирует окружающие традиции арабской музыки и восточно-христианской литургии, обе из которых проявляют сильную привязанность к древнееврейской музыке.

Пока все они, иудейские, арабские и христианские, сохраняются как устные и региональные традиции, эти коллекции в фонотеке являются памятником крупного музыкального вклада древнего Израиля в

распевы раннего христианства, с его многочисленными шаблонами распространения по всему старому Западу».

На пути к арабскому национальному звуковому архиву в Палестине

Попытка Центра народного искусства в Рамаллахе создать Национальный звуковой архив для Палестины возникла из исследовательского проекта «Традиционная музыка и песня». Он был задуман в результате разрозненных мелкомасштабных исследований, которые проводили группы, специализирующиеся на традициях палестинского народного танца и музыки, названных в честь Дабка – хоровод, исполняемый на свадьбах. Как правило, инсценированные версии в современной Палестине заменяют политизированную лирику традиционными песнями о любви и включают электронные и другие современные инструменты. В своем исследовании Фирак аль-Дабка на опыте палестинских беженцев Дженифер Ладкани объясняет рост этих фольклорных групп социальными центрами, созданными международными неправительственными организациями в лагерях беженцев в Иордании, Сирии и Ливане около 1948 года. Сам Центр Популярного Искусства был создан в 1987 году форумом художников, социально прогрессивной танцевальной группой Эль-Фунун. Основанная в 1979 году, Эль-Фунун претендует на звание первой палестинской танцевальной группы, в которой мужчины и женщины танцевали вместе, рука об руку, и в которой женщины играли ведущую организационную роль. Отказываясь как от явной политической повестки дня, так и от буквального фольклорного исполнения Фирака аль-Дабке, Эль-Фунун стремится возродить палестинский фольклор как основу культурного обновления, переосмыслив его в соответствии с современными художественными нормами. Ладкани характеризует подход Эль-Фунуна как тип сопротивления через отрицание, «как способ вернуть палестинский фольклор в современную жизнь; создать с помощью танца, музыки и драмы идеально историзированную палестинскую нацию; единственную, которая никогда не испытывала оккупации, роспуска или колонизации».

В феврале 1999 года Эль-Фунун выпустил свой первый диск «Загарид». В этом современном представлении о палестинской свадьбе аранжировки песен и инструментальных произведений, превращаются в концертную последовательность и танцевально-повествовательный текст, в котором, в отличие от традиций, браки устраиваются супружеской парой, невеста выбирает своего мужа с благословения родителей. Эти аранжировки также вошли в исследовательский проект «Традиционная музыка и песня Палестины».

В начале второго десятилетия XXI века Национальный звуковой архив Палестины остается нетронутым и открытым для общественности. Однако, начиная с 1990-х годов, его исследовательские проекты прекратились. Отделенная спорным «барьером безопасности», разделяющим территории Западного берега от Израиля, доступ к которому возможен только через военные контрольно-пропускные пункты, коллекция в Рамаллахе содержит примерно в десяти миллионах от Иерусалима записи арабских песен и инструментальных произведений, собранных Робертом Лахманом, часто из тех же городов и деревень, около шестидесяти лет назад. В отличие от национальной концепции Центра народного искусства (предоставляющей палестинскую арабскую музыкальную версию израильскому Национальному звуковому архиву), арабские музыкальные записи Лахмана были задуманы как часть более широкого сравнительного видения восточной музыки, охватывающей в равной степени все этнические, религиозные и социальные группы, чьи границы простирались за пределы Палестины на Ближний Восток.

Дополнительные ресурсы по теме лекции:

1. Firqa al-Funun al-Sha'biyya al-Filastiniyya [Палестинская группа популярных искусств] (1999) Zaghareed [Ululations], Boulder, CO
2. Sounds True Gerson-Kiwi E. (1938) «Иерусалимский архив восточной музыки», Musica Hebraica, 40-2 (1958) «Musicology in Israel», Acta Musicologica, (1974) «Роберт Лахманн: Его достижения и его наследие», Юваль,
3. Гинзбург С. М., Марек П. С. (1901) Еврейские народные песни в России, Санкт-Петербург: Voshkod; перепечатка изд. Дов Ной, Рамат-Ган, издательство Bar Ilan University Press, 1991 г.
4. Горен А. (ред.) (1982). Инакомыслящий в Сионе: Из Писаний Иуды Л. Магнеса, Кембридж, Массачусетс: Издательство Гарвардского университета
5. Идельсон Ц. (1913-14) «DieMaqamen der arabischen Musik», Студия международных исследований, (1935) «Моя жизнь», Еврейский музыкальный журнал

Книга: История всемирной музыки, часть вторая
Лекция: Звуковые архивы и идеология в Израиле и Палестине (продолжение)
Автор лекции: Ирэна Аравина

6. Кац Р. (2003) Проблема Лахмана: Невоспетая глава в сравнительной музыковедения, Иерусалим: Еврейский университет Magnes Press Kunst, J. (1955) Этно-музыковедение, 2-й увеличенный выпуск Music ologica, Гаага:
7. Лахман Р. (1974 и 1978) Посмертные сочинения, Э. Герсон-Киви (ред.), 2 тома, Иерусалим: Magnes Press, Еврейский университет
8. Ладкани Дж. (2001) Музыка и танцы Дебке и опыт палестинских беженцев: Снаружи, глядя в ‘, докторская диссертация, Университет штата Флорида
9. Лехляйтнер Дж. (Ред.) (2004) Tondokumente aus dem Phonogrammarchiv der Osterreichischen Академия дер Wissenschaften, Gesamtausgabe der Historischen Bestande 1899-1950